

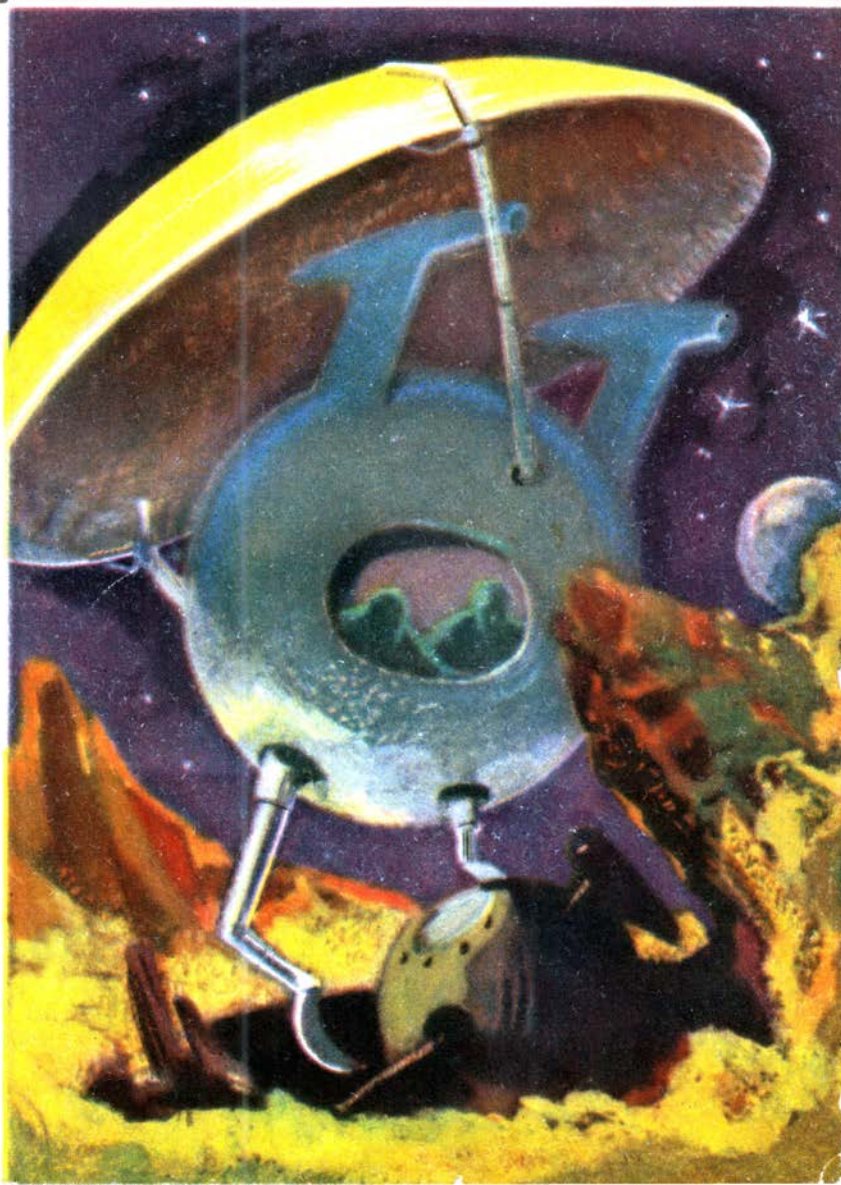
3
1964

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЛЕТО НА ИКАРЕ

Научно-фантастический рассказ

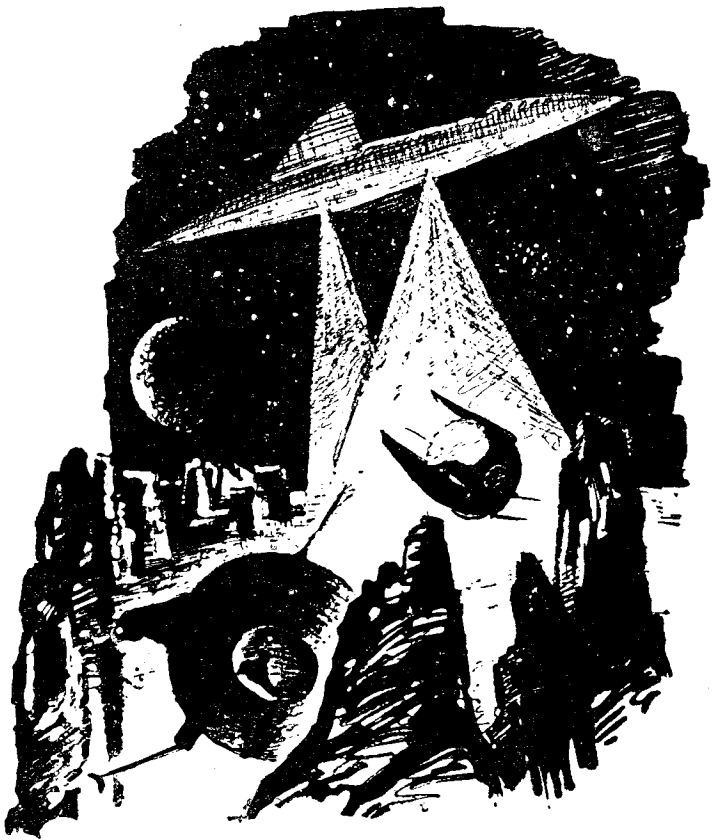
Рисунок В. НЕМУХИНА

Очнувшись, Колин Шеррард долго не мог сообразить, где находится. Он лежал в капсуле на круглой вершине холма, склоны которого запеклись темной коркой, точно их опалило жаркое пламя; вверху простерлось аспидно-черное небо со множеством звезд, и одна из них, над самым горизонтом, напоминала крохотное яркое солнце.

Солнце?! Неужели оно так далеко от Земли? Не может быть! Память подсказывала ему, что Солнце близко, угрожающе близко, оно никак не могло обратиться в маленькую звезду. Вдруг в голове у него прояснилось. Шеррард знал, где находится, знал совершенно точно, и мысль об этом была столь ужасна, что он едва опять не потерял сознание.

Никто из людей не бывал еще так близко к Солнцу.

Поврежденный космонавт лежал не на холме, а на сильно

искривленной поверхности маленького — всего две мили в поперечнике — космического тела. И быстро опускающаяся к горизонту на западе яркая звезда — это огни «Прометей», корабля, который доставил Шеррарда сюда, за миллионы миль от Земли. Товарищи, конечно, уже недоумевают, почему не вернулся его космонавт — замешкавшийся почтовый голубь. Пройдет немного минут, и «Прометей» исчезнет из поля зрения, уйдет за горизонт, играя в прятки с Солнцем.

Колин Шеррард проиграл эту игру.

Правда, он пока на ночной стороне астероида, укрыт в его прохладной тени, но быстротечная ночь на исходе. Четырехчасовой икарыйский день надвигается стремительно и неотвратимо, близок грозный восход, когда яркий солнечный свет — в тридцать раз ярче, чем на Земле, — выплеснет

на эти камни жгучее пламя. Шеррард великолепно знал, почему все кругом опалено до черноты. Хотя Икар достигнет перигелия только через неделю, уже теперь полуденная температура на его поверхности близка к тысяче градусов по Фаренгейту.

Как ни мало подходил момент для юмора, ему вдруг вспомнилось, что капитан Маклеллан сказал об Икаре: «Самый горячий участок недрожимости во всей солнечной системе».

Несколько дней назад они воочию убедились, сколь справедлива эта шутка, — достаточно было сделать один из тех простейших ненаучных опытов, которые действуют на воображение куда сильнее, чем десятки графиков и кривых.

Незадолго до восхода один из космонавтов отнес на бугорок деревянную чурку. Стоя в укрытии на ночной стороне, Шеррард видел, как первые лучи Солнца коснулись бугорка. Когда его глаза оправились от внезапного взрыва света, он разглядел, что чурка уже чернеет обугливаясь. Будь здесь своя атмосфера, дерево тотчас вспыхнуло бы ярким пламенем.

Вот что такое восход на Икаре...

Правда, пять недель назад, когда они пересекли орбиту Венеры и впервые высадились на астероид, было далеко не так жарко. «Прометей» подошел к Икару в момент наибольшего удаления астероида от Солнца. Космический корабль приновил свой ход к скорости маленького мирка и лег на его поверхность легко, как снежинка. (Снежинка на Икаре!.. Придет же на ум такое сравнение!) Тотчас на шестнадцати квадратных милях колючего никелевого железа, покрывающего большую часть астероида, рассыпались ученые, расставляя приборы, разбивая триангуляционную сеть, собирая образцы, делая множество наблюдений.

Все было задумано и тщательно расписано много лет назад, когда еще только готовились к Международному астрофизическому десятилетию. Икар предоставлял исследовательскому кораблю неповторимую возможность: под прикрытием железно-каменного щита двухмильной толщины подойти к Солнцу на расстояние всего семнадцати миллионов миль. Защищенный Икаром, корабль мог без опаски облететь вокруг могучей топки, которая всем планетам несет тепло и сделала возможной жизнь.

Подобно легендарному Прометею, добывшему для человечества огонь, космолет, названный его именем, доставит на Землю новые знания о поразительных тайнах небес.

Члены экспедиции успели установить все приборы и провести заданные исследования, прежде чем «Прометею» пришлось взлететь, чтобы отступить вместе с ночной тенью. Да и после этого оставалось в запасе еще около часа, во время которого человек в космокаре — миниатюрном, длиной всего десять футов, космическом корабле — мог продолжать работу на ночной стороне, пока не подкралась полоса восхода. Казалось бы, в мире, где рассвет приближается со скоростью

всего одной мили в час, ничего не стоит вовремя улизнуть! Но Шеррард не сумел этого сделать, и теперь его ожидала кара: смерть.

Он и сейчас не совсем понимал, как это произошло.

Колин Шеррард налаживал передатчик сейсмографа на станции-145, которую они между собой называли «Эверестом»: она на целых девяносто футов возвышалась над поверхностью Икара! Работа пустяковая. Правда, выполнять ее приходилось с помощью выдвигающихся из корпуса космонавта механических рук, но Шеррард уже наловчился; металлческими пальцами он завязывал узлы уже почти так же сноровисто, как собственными. Двадцать минут — и радиосейсмограф опять заработал, сообщая в эфир о толчках и трясениях, число которых стремительно росло по мере того, как Икар приближался к Солнцу.

Теперь на лентах записана и «его» кривая, да много ли ему от этого радости...

Убедившись, что передатчик действует, Шеррард расставил вокруг прибора солнечные отражатели. Трудно поверить, что два хрупких, не толще бумаги, листа металлической фольги могли преградить путь потоку лучей, способному в несколько секунд расплавить олово или свинец! И, однако, первый экран отражал более девяноста процентов падающего на его поверхность света, а второй — почти все остальное; вместе они пропускали совершенно безобидное количество тепла.

Шеррард доложил на корабль о выполнении задания, получил «добро» и приготовился возвращаться на борт. Мощные прожекторы «Прометей» — без них на ночной стороне астероида вряд ли удалось бы что-либо разглядеть — были безошибочным ориентиром. Всего две мили отделяли его от корабля. И будь Шеррард облачен в планетный скафандр с гибкими сочленениями, он, учитывая почти полную невесомость, мог бы просто допрыгнуть до «Прометей». Ничего, маленькие ракетные двигатели космонавта за пять минут доставят его на борт...

С помощью гирокомпаса он направил космонавта на цель, затем включил вторую скорость и нажал стартер. Последовал сильный взрыв под ногами, и Шеррард взлетел, удаляясь от Икара... и от корабля! «Неисправность!» — подумал он, холодея от ужаса. Его прижало к стенке, он никак не мог дотянуться до щита управления. Работал только один мотор, поэтому астронавт летел кубырьком, вращаясь все быстрее. Шеррард лихорадочно искал кнопку «стопа», но вращение сбilo его с толку. И когда он дотянулся до ручек, его первая реакция только усугубила положение: он включил скорость подобно тому, как нервный шофер горяча вместо тормоза нажимает акселератор. Всего секунда ушла на то, чтобы исправить ошибку и заглушить мотор, но звезды стали в его глазах светящимися колесами...

Все произошло так быстро, что Колин Шеррард не успел вызвать корабль и сообщить о катастрофе. В конце концов, опасаясь, как бы не натворить еще худших бед, он оставил

ручки в покое. Чтобы выйти из штопора, требовалось не меньше двух-трех минут осторожного маневрирования; у него, судя по мельканию приближающихся камней, оставались считанные секунды.

Шеррард вспомнил совет, запечатленный на обложке «Наставления астронавту»: «Если не знаешь, что делать, — не делай ничего». Он честно продолжал следовать этому совету, когда Икар обрушился на него и звезды померкли...

...Просто чудо, что корпус кара цел и он не дышит космосом. (Сейчас он радуется, а что будет через полчаса, когда сдаст теплоизоляция?) Конечно, совсем без поломок не обошлось, сорваны оба зеркала заднего обзора, которые были укреплены на защищающем его голову прозрачном шаре, придется повертеть шейю, но это пустяки, — гораздо хуже то, что одновременно покалечило антенны. Он не может вызвать корабль, и корабль не может вызвать его. Из динамика доносился лишь слабый треск, скорее всего от каких-нибудь неполадок в самом приемнике. Колин Шеррард был отрезан от людей.

Положение отчаянное. Но не безнадежное, он не совсем беспомощен. Хотя двигатели подкачали (видимо, в правой пусковой камере, вопреки заверениям конструкторов, что это совершенно исключено, изменилась направленность взрыва и забило форсунки), он может двигаться: у него есть «руки». Вот только куда ползти? Шеррард потерял всякую ориентировку. Взлетел он с «Эвереста», но далеко ли его отбросило — на сто футов, на тысячу? Ни одного знакомого ориентира в этом крохотном мире, только удаляющаяся звездочка «Прометея» может его выручить. Теперь лишь бы не потерять из виду корабль!.. Его хватятся через несколько минут, если уже не хватились. Конечно, без помощи радио товарищам, пожалуй, придется искать долго. Как ни мал Икар, эти шестнадцать квадратных миль изборожденной трещинами ничьей земли — надежный тайник для цилиндра длиной десять футов. На поиски может уйти и полчаса и час: все это время он должен следить за тем, чтобы его не настиг убийца восход.

Шеррард вложил пальцы в полые рычаги, управляющие механическими конечностями. Тотчас снаружи, в суровой среде космоса, ожили его искусственные «руки». Вот опустились, уперлись в железную кору астероида, приподняли космонар... Шеррард согнул «руки», и капсула, словно причудливое двуногое насекомое, поползла вперед. Правой, левой, правой, левой...

Это оказалось проще, чем он ожидал. И Шеррард ощутил, как к нему возвращается уверенность. Конечно, механические «руки» созданы для тонкой работы, не требующей большого напряжения, но в невесомости достаточно малейшего усилия, чтобы сдвинуть с места капсулу. Тяготение Икара составляло одну десятитысячную земного: вместе с космонаром Шеррард весил здесь около унции. Придя в движение, он дальше буквально парил, легко и быстро, будто во сне.

Однако легкость эта таила в себе угрозу... Шеррард уже покрыл несколько сот ярдов, заметно настигая светящееся пятно «Прометей», когда успех ударил ему в голову. Как скоро сознание переходит от одной крайности к другой! Давно ли он думал, как достойнее встретить смерть, а теперь ему уже не терпелось вернуться на корабль к обеду.

Впрочем, возможно, беда случилась из-за полной непривычности такого способа передвижения, совершенно непохожего на все, что ему когда-либо доводилось испытывать. Может быть, он к тому же не совсем оправился после крушения. В самом деле, подобно всем астронавтам, Шеррард, натренированный управлять своими движениями в космосе, привык жить и работать в условиях, когда земные понятия о «верхе» и «ниже» теряют смысл. В таком мире, как Икар, надо внушить себе, что под ногами у тебя самая настоящая планета, ты двигаешься над горизонтальной плоскостью. Стоит развеяться этому невинному самообману, и ты окажешься во власти космического головокружения.

И вот внезапный приступ. Вдруг исчезло чувство, что Икар внизу, а звезды — вверху. Вселенная повернулась на девяносто градусов; Шеррард, словно альпинист, карабкался вверх по отвесной скале. И хотя разум говорил ему, что это чистейшая иллюзия, чувства решительно спорили с рассудком. Сейчас тяготение сорвет его со скалы, и он будет падать, падать, мило за милей, пока не разобьется вдребезги!..

Но мнимая вертикаль качнулась, будто компасная стрелка, потерявшая полюс, — и вот уже над ним каменный свод. Он словно муха на потолке. Миг — потолок опять стал стеной, но теперь астронавт неудержимо скользил по ней вниз, в пропасть...

Шеррард совершенно утратил контроль над космокаром: обильный пот на лбу свидетельствовал, что он вот-вот утратит контроль и над самим собой. Оставалось последнее средство. Плотно зажмурив глаза, он сжался в комок и стал внушать себе, что снаружи ничего нет, ничего!.. Он настолько сосредоточился на этой мысли, что до его сознания не сразу дошел негромкий стук, вызванный новым столкновением.

Когда Колин Шеррард, наконец, решился открыть глаза, он обнаружил, что космокар уткнулся в каменный горб. Механические руки смягчили толчок — но какой ценой!.. Хотя капсула здесь была фактически невесомой, пятьсот фунтов массы, двигаясь со скоростью около четырех миль в час, развили инерцию, которая оказалась чрезмерной для хрупких конечностей. Одна из них совсем смялась, вторая безнадежно погнулась.

На мгновение чувство жалости заглушило отчаяние. Он так настроился на успех, когда космокар заскользил над безжизненной поверхностью Икара! А в итоге — полный крах из-за секундной физической слабости. Космос не делает человеку никаких скидок. Кто об этом забывает, тому лучше сидеть дома.

Что ж, догоняя корабль, он выиграл у восхода драгоценное время — минут десять, если не больше. Десять минут... Что они ему принесут: продление мучительной агонии или спасительную отсрочку, которая позволит найти его?

Скоро он узнает ответ.

Кстати, где они? Наверное, розыски уже начались! Шеррард устремил пристальный взгляд на сверкающую звезду корабля, надеясь увидеть на фоне медленно вращающегося небосвода огоньки спешащих ему на выручку космонавтов.

Увы, никого...

Значит, надо взвесить свои собственные скромные возможности. Через несколько минут «Прометей» уйдет за край астероида, исчезнут прожекторы, воцарится полный мрак. Ненадолго... Но, может быть, он еще успеет найти укрытие, которое защитит его от наступающего дня? Вот эта глыба, на которую он налетел, не годится?

Что ж, в ее тени и впрямь можно отсидеться до полудня. А там?.. Если солнце пройдет как раз над Шеррардом, его ничто не спасет. Но ведь может оказаться, что он находится на такой широте, где Солнце в это время икарийского года, длящегося четыреста девять дней, не поднимается высоко над горизонтом. Тогда есть надежда выдержать несколько дневных часов. Больше надеяться не на что — конечно, если товарищи не разыщут его до рассвета.

Ушел за край света «Прометей», и тотчас сильнее засверкали звезды. Но всего ярче, такая прекрасная, что при одном взгляде на нее сжималось горло, сияла Земля; вот и Луна рядом. На первой Шеррард родился, на вторую ступал не раз, — доведется ли ему когда-либо еще побывать на них?..

Странно, до этой секунды ему не приходила в голову мысль о жене и детях, обо всем том, чем он дорожил в такой далекой теперь земной жизни. Даже как-то стыдно. Впрочем, чувство вины тотчас прошло. Ведь несмотря на сто миллионов космических миль, разделивших его и семью, узы любви не ослабли — просто они в этот миг играли второстепенную роль. Он превратился в примитивное существо, всецело поглощенное битвой за свою жизнь. Мозг был его единственным оружием в этом поединке, сердце могло только помешать, затемнить рассудок, подорвать решимость.

То, что Шеррард увидел в следующий миг, окончательно вытеснило все мысли о далеком доме. Над горизонтом позади него, словно обволакивая звезды молочным туманом, всплыл конус прозрачного света — глашатай Солнца, его прекрасная жемчужная корона, видимая на Земле лишь во время полных солнечных затмений. Появление короны означало, что совсем близка минута, когда Солнце поразит своим гневом этот маленький мир.

Шеррард не замедлил воспользоваться предупреждением. Теперь он мог довольно точно определить, в какой точке появится Солнце; и астронавт медленно, неуклюже перебирал обломками металлических «рук», отполз туда, где глы-

ба сулила ему лучшую тень. Едва маневр был завершен, как Солнце зерем набросилось на скалу — все вокруг словно взорвалось светом.

Шеррард поспешил перекрыть смотровое окошко темными фильтрами в несколько слоев, чтобы защитить глаза. За пределами широкой тени, отбрасываемой глыбой на поверхность астероида, будто разверзлась раскаленная топка. Беспощадное сияние высветило все детали пустынного ландшафта. Никаких полутонов — слепящая белизна и крошечный мрак. Ямы и трещины напоминали чернильные лужи, а выступы точно обьяло пламя, хотя с начала восхода прошла всего одна минута.

Не удивительно, что палящий зной миллиарды раз повторявшегося лета выжег из скал весь газ до последнего пузырька, превратив Икар в космическую головешку. «Что заставляет человека, — горько спросил себя Шеррард, — ценой таких затрат и риска пересекать межзвездные лучины ради того, чтобы попасть на вращающуюся гору шлака?» Он знал ответ, то самое, что некогда побуждало людей пробиваться к полюсам, штурмовать Эверест, проникать в самые глухие уголки Земли. Трудные испытания мобилизовали тело, смелые открытия радовали душу. Эх, много ли радости в этом сознании теперь, когда он вот-вот будет, точно окорок, поджарен на вращающемся вертеле Икара!..

Лицо ощутило первое дыхание зноя. Глыба, подле которой лежал Колин Шеррард, заслоняла его от прямых солнечных лучей, но прозрачный пластик над головой пропускал тепло, отражаемое скалами. Чем выше Солнце, тем сильнее будет жар... И выходит, у него в запасе меньше времени, чем он думал.

Тупое отчаяние вытеснило страх; Шеррард решил, если хватит сил, держаться, когда солнечный свет падет на него. Как только термоизоляция космонавта сдаст в неравном поединке, пробить отверстие в корпусе, выпустить воздух в межзвездный вакуум.

А пока можно еще поразмышлять несколько минут, прежде чем тень от глыбы растает под натиском света. Астронавт не стал насиловать мысли, пусть текут по своей прихоти. Странно, он сейчас умрет лишь потому, что в сороковых годах, задолго до его рождения, кто-то из сотрудников Паломарской обсерватории высмотрел на фотопластинке пятнышко света; открыл и метко назвал астероид именем юноши, который взлетел слишком близко к Солнцу...

Быть может, вот тут, на вздувшейся волдырями равнине, когда-нибудь воздвигнут памятник. Интересно, что они напишут? «Здесь погиб во имя науки инженер-астронавт Колин Шеррард». Это про него-то, который не понимал и половины того, над чем корпели ученые? А впрочем, они его заразили своей страстью. Шеррард вспомнил случай, когда геологи, счистив обугленную корку астероида, обнажили и отполировали металлическую поверхность. И глазам их предстал странный узор, линии и черточки, напоминающие абстрактную живопись декадентов, сменивших Пикассо. Но

это были осмысленные линии: они запечатлели историю Икара, и геологи сумели ее прочесть. От ученых Шеррард узнал, что железокристаллическая глыба астероида не всегда одиноко парила в космосе. Некогда, в очень далеком прошлом, она испытала чудовищное давление, а это могло означать лишь одно: миллиарды лет назад Икар был частью огромного космического тела, быть может, планеты, подобной Земле. Почему-то планета взорвалась; Икар и тысячи других астероидов — осколки этого космического взрыва.

Даже сейчас, когда к нему подползала раскаленная полоса, Шеррард с волнением думал о том, что лежит на ядре погибшего мира, в котором, возможно, существовала органическая жизнь.

Шлем затуманился. Ясно: охлаждение сдает. А честно послужило — даже сейчас, когда камни в нескольких метрах от него накалены докрасна, температура внутри капсулы вполне терпима. Конец охлаждающей установки будет и его концом.

Шеррард протянул руку к красному рычагу, который должен был лишить Солнце добычи. Но прежде чем нажать рычаг, хотелось в последний раз посмотреть на Землю. Он осторожно отрегулировал фильтры так, чтобы они, по-прежнему защищая глаза от слепящих скал, не мешали глядеть на небо.

Звезды заметно поблекли, бессильные состязаться с сиянием короны. А как раз над глыбой — его ненадежным щитом — вздымался язык алого пламени, грозно указующий перст самого Солнца.

Последние секунды на исходе...

Вон Земля, вон Луна... Прощайте!.. Прощайте, друзья и близкие!..

Солнечные лучи лизнули край космокара, и первое прикосновение огня заставило Шеррарда произвольно поджать ноги. Нелепое и бесцельное движение.

Но что это? В небе над ним, затмевая звезды, вспыхнул яркий свет. На огромной высоте парило, отражая солнечные лучи, исполинское зеркало. Взор, этого не может быть! Галлюцинация, только и всего. Пора кончать. Пот катился с него градом. Через несколько секунд космокар превратится в печь, больше ждать невозможно.

Напрягая последние силы, Шеррард нажал рычаг аварийного люка, готовый встретить смерть.

Рычаг не поддался. Астронавт снова и снова нажимал рукоятку, но ее безнадежно заело. А он-то надеялся на легкую смерть, мгновенный милосердный конец...

Вдруг, осознав весь ужас своего положения, Колин Шеррард потерял власть над собой и закричал, словно зверь в западне.

Услышав обращенный к нему тихий, но вполне отчетливый голос капитана Маклеллана, Шеррард сразу понял, что это новая галлюцинация. Все-таки чувство дисциплины и остатки самообладания заставили его взять себя в руки; стиснув зубы, астронавт слушал знакомый строгий голос:

— Шеррард! Держитесь! Мы вас запеленговали. Только продолжайте кричать!

— Слышу! — завопил он. — Поторопитесь! Я горю...

Рассудок еще не совсем покинул его, и он понял, что произошло. Пеньки обломанных антенн излучали в эфир слабенький сигнал, и спасатели услышали его крик. А раз он слышит их — значит, они совсем близко!

Воспрянув духом, Колин Шеррард напряг зрение, сиюсья сквозь туманный пластик разглядеть странное зеркало в небесах. Вот оно! И тут он смекнул, что обманчивость перспективы в космосе сбива его с толку. Зеркало не было исполинским и не парило на огромной высоте. Оно висело как раз над ним, быстро снижаясь.

Он еще продолжал кричать, когда зеркало заслонило собой лик восходящего Солнца и накрыло его благословенной тенью. Словно прохладный ветер из самого сердца зимы, пролетев многие километры над снегом и льдом, дохнул на него. Вблизи Шеррард сразу определил, что роль зеркала играл большой термоэкран из металлической фольги, поспешно снятый с какого-нибудь прибора. Тень от экрана позволила товарищам искать его, не опасаясь смертоносных лучей.

Держа одной парой «рук» экран, над глыбой парил двухместный космокар; две «руки» протянулись за Шеррардом. И хотя зной еще туманил голову, астронавт различил обращенное вниз встревоженное лицо капитана Маклеллана.

Так Колин Шеррард узнал, что значит родиться на свет. Конечно, ведь он все равно что заново родился! Предельно измученный, он не ощущал благодарности — это чувство придет потом, — но, отрываясь от раскаленного ложа, астронавт отыскал глазами яркий кружок Земли.

— Я здесь, — тихо произнес он. — Я возвращаюсь!

Он возвращался, заранее предвкушая, как будет радоваться всем прелестям мира, который считал утраченным навсегда. Впрочем, нет, не всем.

Он никогда больше не сможет радоваться лету...

Перевод с английского Л. ЖДАНОВА